УДК 316.4

ФЕНОМЕН ТРАВМЫ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.А. Маркелова, О.В. Нагорных

Предпринята попытка раскрыть основные черты, показатели и индикаторы, которые необходимы для понимания феномена травмы. Травма – это рана сознания, полученная в ходе эмоционального потрясения, нарушающего в человеке и в обществе осмысление времени, себя и мира. Данный феномен вызывает живой интерес в связи с необходимостью осмысления радикальных социальных изменений, оказывающих травматическое воздействие на экономические, социальные, культурные, политические процессы в современных государствах. В конце XX века в социально-политических науках было положено начало изучению феномена травмы.

Ключевые слова: политика; травма; общества травмы; эмоциональная политика; политические маяки.

ТРАВМА ФЕНОМЕНИ: САЯСИЙ-ПСИХОЛОГИЯЛЫК АСПЕКТ

Бул макалада травма феноменин түшүнүү үчүн зарыл болгон негизги белгилерди, көрсөткүчтөрдү жана индикаторлорду ачып берүүгө аракет жасалат. Травма – бул адамда жана коомдо убакытты, өзүн жана дүйнөнү түшүнүүнүн бузулушуна алып келген, эмоционалдык доо кетүүдөн улам пайда болгон аң-сезимдин жаракаты. Бул феномен азыркы учурдагы мамлекеттердеги экономикалык, социалдык, маданий, саясий процесстерге травматикалык таасир этүүчү радикалдуу социалдык өзгөрүүлөрдү түшүнүү зарылдыгына байланыштуу өзгөчө кызыгууну туудурат. XX кылымдын аягында социалдык-саясий илимдерде травма феноменин изилдөөнүн башталышына негиз салынган.

Түйүндүү сөздөр: саясат; травма; травманын коому; эмоционалдык саясат; саясий маяктар.

THE TRAUMA PHENOMENON: POLITICAL-PSYCHOLOGICAL ASPECT

A.A. Markelova, O.V. Nagornykh

The authors of the article attempted to reveal the main features, indicators and indicators that are necessary for understanding the phenomenon of trauma. Trauma is a wound of consciousness obtained in the course of an emotional shock that disturbs the comprehension of time, self and the world in a person and in society. This phenomenon is of great interest in connection with the need to understand radical social changes that have a traumatic impact on the economic, social, cultural, political processes in modern states. The socio-political sciences initiated the study of the phenomenon of trauma at the end of the 20th century.

Keywords: politics; trauma; trauma societies; emotional politics; political beacons.

Значимыми феноменами современного мира являются травмированные общества, или в терминологии Ж.Т. Тощенко, общества травмы. Травмированные общества – результат длительной неопределенной трансформации общественных отношений, характеризующаяся деформацией экономических, общественно-политических отношений, следствием которой могут быть непредвиденные социальные последствия [1]. Данные общества, пытающиеся справиться с последствиями исторических событий посредством правовых и политических реформ, часто вынуждены сталкиваться с остатками травм, обретенных в результате неудачного и порой унизительного опыта прошлого. На наш взгляд, под травмой следует понимать глобальную дезадаптацию общества к изменившимся условиям существования [2]. Причиной травмы, как правило, являются быстрые, масштабные изменения, приводящие к негативным деструктивным последствиям. Такие последствия могут быть итогом как внешних (природные явления, войны), так и внутренних влияний (революции, кардинальные реформы).

Концепция травмы предполагает меланхолическую ориентацию на прошлое, желание возвратить утерянное. Травма, как и многие другие

социальные феномены, характеризуется одновременно и объективностью, и субъективностью. По мнению П. Штомпки, травма коренится в реальных феноменах, но не проявляется до тех пор, пока ее не увидят и не дадут ей некое определение [3]. Таким образом, речь идет о травме, когда, во-первых, люди разных возрастов говорят о существенном и навязанном изменении ценностной системы, которое приходится на один и тот же исторический период (война, оккупация, революция, декоммунизация и т. д.); во-вторых, случаи насилия и связанные с ними изменения менталитета содержат достаточно много общих черт (массовые депортации, бытовой шок, идеологические притеснения и т. п.); в-третьих, символическая интерпретация событий, вызвавших травму, содержит схожие оценки разных респондентов ("общенародное бедствие", "коллективный позор", "национальная катастрофа" и пр.); в-четвертых, индивидуальные биографии отражают коллективные стратегии преодоления травмы [4]. Таким образом, травма – коллективный феномен, порождающий разрушительные события.

Травма становится краеугольным камнем политического курса. Политическая система, формирующаяся под влиянием травмы, перестает отвечать на сегодняшние политические запросы и фокусируется на прошлом, препятствуя преодолению прошлых конфликтов и укореняя их в политическом настоящем. Таким образом, "умиротворение" пострадавших в политических конфликтах, а также меры, направленные на недопущение принижения значения того или иного инцидента, приводят к тому, что проблема травмы начинает непропорционально доминировать в политическом дискурсе.

Переход конфликта в политическое русло можно рассматривать как средство продвижения этих обществ за пределы конфликта в новую фазу, когда старые события и недоброжелательность, которые они породили, могут быть оставлены в анналах истории. На практике конфликты обычно приводят к политическим дискуссиям о том, как управлять конфликтом в настоящем. Ориентация на мирное сосуществование особенно характерна для государств, большинство населения которых испытало глубокие травматические события, что затрудняет их конструктивное развитие.

Травма может храниться в коллективной памяти поколениями, проявляя себя при благоприятных обстоятельствах. Примером для иллюстрации являются травмы племенные, этнические, национальные, уходящие корнями в насильственные, травматические события прошлого, внезапно возникающие в виде взрывов внутригрупповой ненависти, конфликтов, войн [3]. Некоторые государства пытались немедленно и напрямую заняться анализом событий прошлого. Например, через Комиссию по установлению истины и примирению в Южной Африке, Центр Исследования Геноцида и Резистенции жителей Литвы, Польский Институт памяти в Польше. Для других, таких как Россия, Сербия, Белоруссия или Северная Ирландия, политические изменения осуществлялись без решения "проблем наследия" – процесса, который по-прежнему остается спорным. В других странах, таких, например, как Австралия, возможно, было допущено нарушение со стороны колониального государства-колонизатора по отношению к коренным народам [5]. Таким образом, мы приходим к выводу, что реакции на травмирующие события в обществах принимали самые разные формы, и способы решения этих событий широко варьируются в этих разных конфликтных контекстах.

Эмоции приобретают особую роль в политике конфликтных обществ и имеют прямые последствия для проведения трансформационных политических процессов [6]. Так, Ж. Лапланш и Ж.Б. Понталис характеризуют травму как "событие в жизни субъекта, которое вызывает особенно сильные переживания и делает субъекта неспособным к адекватной реакции; потрясения и те патогенные изменения в психической организации, которое порождает это событие" [7]. А. Фрейд характеризует травму следующим образом: "Прежде, чем я назову событие травматическим, я спрошу себя, считаю ли я, что данное событие явилось поворотным в жизни пострадавшего, что оно направило развитие ее в другую сторону и оказало патогенное влияние. Или я имею в виду травму в ее собственном значении слова, т. е. внутреннюю катастрофу, разрушение личности на основе наплыва возбуждения, которое вывело из строя функции "Я" и его способность к восприятию" [8]. В данном случае можно говорит, что травма разрушает актуальную психологическую реальность. Когда люди ошеломлены и потрясены, они часто испытывают чувство стыда. Они ищут справедливость и мщение за этот стыд, который им пришлось испытать. Правосудию переходного периода присуще стремление исправить несправедливость, имевшую место в прошлом, что зачастую становится причиной насилия и проявляется в виде так называемой "эмоциональной справедливости" [9].

С точки зрения политической психологии, травму можно определить как рану сознания, результат эмоционального шока, который нарушает "осознание времени, себя и мира" [1]. Жертвы травмирующих событий могут играть роль "моральных политических маяков", чье мнение

учитывается общественностью в процессе принятия решения искать справедливости и отмщения [10]. Более того, отдельные жертвы насилия могут рассматривать общественные отношения в противоречивых формах. Для примера мы можем привести 190-страничный отчет Имса-Брэдли (2009 г.), подготовленный консультативной группой, которая была специально создана для осмысления североирландских событий. Отчет иллюстрирует ограничения прямой "деловой политики" при работе с травмированными людьми и вероятность того, что невозможность излечения их потери (горя) будет генерировать патологические политические формы. Доклад рекомендовал выплату 12000 фунтов стерлингов жертвам или семьям жертв конфликта, что стало объектом широкой критики со стороны противников доклада [11]. Многие из жертв конфликта в Северной Ирландии высказались категорически против выплат другим семьям, потерявших близких, особенно в тех случаях, когда члены этих семей были сотрудниками спецслужб.

На наш взгляд, политика, направленная на борьбу с болью и потерями через измерение скорби, не может быть сведена к экономике эквивалентности. Как часто бывает в сценариях конфликта, линия между главными героями и жертвами размыта. Критика рекомендаций Имса-Брэдли сводится к тому, что символическое признание одного человека как "жертвы" способствует проявлению тактики "whatabourary", в рамках которой существование одного отрицает существование другого, или, в терминах Д. Бенджамин, "только один может жить" [12]. Такой подход к данной проблеме отрицает индивидуальный опыт потери.

Практические или компенсаторные подходы к устранению потери (горя) вызванные насилием, отрицают контексты и структуры насилия, с которым сталкиваются конфликтующие сообщества. Отрицание может усугубить сложные симптомы травмы. Эти симптомы могут затем легко превратить эмоциональность в патологию и сделать собственную боль жесткой и ригидной формой, проявляясь для своих политических противников в форме конверсии, которая отрицает сложность обычных эмоций. Симптомы травмы функционируют как отрицание обычных эмоций именно потому, что травма это не просто опыт насилия, а попытка "осмыслить" потери и боль. Происходит фиксация травмы, в результате которой формируется травмированное общество с социальными, судебными институтами, политической аудиторией, с нарушенными связями с пережившим травму населением.

"Фиксация" – это то, что создает травму. Ее симптоматика усугубляется через отрицание сложностей постконфликтного ландшафта. Согласно Ж. Лакану, стремление понять травматический опыт – это попытка контролировать его, овладеть им, но овладеть им для себя, создать его в собственном воображении. Любое отклонение от категоризации, которое может позволить другое понимание опыта, встречается с яростью и отказом [9]. Люди, живущие в постконфликтном обществе, должны выдержать обычное присутствие своих соседей и самих себя, чтобы выйти за рамки фиксации прошлого [13]. Более того, они должны переносить реальность, которая противоречит и конфликтует с их собственным опытом.

Трудность политической практики состоит в том, чтобы разрешить конфликт, не поощряя конкуренцию. Как выразился Фуко, "мы всегда пишем историю той же войны, даже когда мы пишем историю мира" [14]. Для травмированных людей конкуренция за доминирование над историей превращает обычные переживания страха, надежды и разочарования в невыносимые переживания. Травма должна преодолеваться "вовлечением", как вызов обычным эмоциям, время от времени участвуя в критическом диалоге, желаниями и мнениями. Признание травмы людей не следует путать с политическим соблазном для исполнения желаний и требований. Горечь над событиями истории прошлого является очень тонкой формой эмоциональной политики, которая пользуется преимуществом в конфликтующих обществах над обычными эмоциональными измерениями, характерными для социальных и политических конфликтов. Одновременный акцент на травме и патологизация обычных эмоций политики могут иметь деструктивный политический эффект.

К основным стратегиям преодоления травмы относятся инновационная стратегия – быстрое восприятие новых навязанных ценностей; ретреатизм – уход от травмы в пассивность, смирение и маргинализацию, возникновение "двойных" стандартов, желание забыть то, как было "прежде"; ритуализм – принятие новой системы и стремление лишь найти лучшую нишу для себя или своей группы; бегство – внутренняя или внешняя эмиграция и т. д.; анархизм, или "бунт", – активное неприятие всего нового [4]. Кроме того, для выхода из травмированного состояния, а также для примирения и консолидации общества необходима мобилизация творческого потенциала народа во всех сферах общественной жизни, так как основными мотивами общественно полезной экономической и политический жизни будут не прибыль или власть, а мотив креативной службы обществу [1].

Таким образом, признание различий, в которым живут жертвы и пережившие насилие,

заключается не в установлении иерархии жертв, а в признании индивидуального опыта, управление которым должно происходить в политической форме со всеми страхами, надеждами и неизбежными разочарованиями. Управлять опытом травмы посредством отрицания обычных эмоций обществ, живущих с коллективной памятью травмы, действительно может быть симптоматикой травмированного общества. На самом деле это не общество вообще, а индивидуализированный мир, в котором политика может только застопориться. Требуется создание правительственных механизмов, которые облегчат выражение травмы и размышления об опыте прошлого, отражающих социальные разногласия. Они могут принимать различные формы, но варьироваться от формальной правды, справедливости до различных видов увековечения памяти. Они явно спорны, но имеют решающее значение для повторной политизации прошлого.

Литература

1. *Тощенко Ж.Т.* Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования) / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 16–26.
2. *Коротаев В.И.* Воспоминания: между ностальгическим мифом и объективным описанием (на примере воспоминаний о Сульфате) / В.И. Коротаев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 3. С. 11–19.
3. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–10.
4. *Аарелайд-Тарт А.* Теория культурной травмы: опыт Эстонии / А. Аарелайд-Тарт // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 63–71.
5. *Celermajer D.* The Sins of the Nation and the Ritual of Apologies / D. Celermajer. New York: Cambridge UniversityPress, 2009.
6. *Long W.J.* War and Reconciliation: Reason and Emotion in Conflict Resolution / W.J. Long, P. Brecke. Cambridge, MA: The MIT Press, 2003.
7. *Лапланш Ж.* Словарь по психоанализу / Ж. Лапланш, Ж.-Б. Понталис / пер. с франц. и науч. ред. Н.С. Автономовой. СПБ.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 751 с.
8. *Фигдер Г.* Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой (психоаналитическое исследование) / Г. Фигдер. М.: Наука, 1995. 376 с.
9. *Lacan J.* Ecrits: The First Complete Edition in English (trans. B Fink) / J. Lacan. New York: W.W. Norton & Company, 2006.
10. *Rush P.* 'Introduction': The Arts of Transitional Justice: Culture, Activism, and Memory after Atrocity / P. Rush, O. Simic. London: Springer, 2014.
11. *Lawther C.* Truth, Denial and Transition: Northern Ireland and the Contested Past / C. Lawther. London: Routledge, 2014.
12. *Benjamin J.* Non-violence as respect for all suffering: Thoughts inspired by Eyad El Sarraj / J. Benjamin // Psychoanalysis, Culture & Society. 2016. V. 21(1). P. 5-20.
13. *Little A.* Enduring Conflict: Challenging the Signature of Peace and Democracy / A. Little. New York: Bloomsbury, 2014.
14. *Foucault M.* Society Must Be Defended / M. Foucault. London: Penguin, 2003.